151 02/350

В. М. БАЗИЛЕВИЧЪ.

Изъ исторіи московско-крымскихъ отношеній въ первой половинѣ XVII вѣка.

Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфіева въ Крымъ 1633—1634 г.г.

КІЕВЪ
Типографія 2-й Артели, Владимірская, 43.
1914.

151 02/850

Глубокоуважаемому
Дмитрію Ивановичу
Иловайскому —
отъ автора.
Кіевъ, 11 іюля 1914 года.

В. М. БАЗИЛЕВИЧЪ.

№ 346

Изъ исторіи московско-крымскихъ отношеній въ первой половинѣ XVII вѣка.

Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфіева въ Крымъ 1633—1634 г.г.

КІЕВЪ
Типографія 2-й Артели, Владимірская, 43.
1914.

Оттискъ изъ „Юбилейнаго сборника Историко-Этнографическаго Кружка при Университетѣ Св. Владиміра“.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 34226
9-III-1925.
БИБЛІОТЕКА.

Изъ исторіи московско-крымскихъ отношеній въ первой половинѣ XVII вѣка.

(Посольство Тим. Анисимова и подьячаго Кал. Акинфіева).

Содержаніе громаднаго крымскаго юрта, занимавшаго степи отъ Дона до устьевъ Дуная, стоило несравненно больше, чѣмъ давалъ маленькій Крымскій полуостровъ и разведеніе стадъ въ степяхъ [1]). Мирныя занятія не могли удовлетворить потребностей населенія и оно должно было искать иныхъ способовъ для добыванія средствъ къ существованію.

Такимъ способомъ былъ грабежъ сосѣдей. Степи, отграничивавшія Крымъ отъ сосѣднихъ государствъ, прекрасно способствовали разбойничьей дѣятельности крымцевъ. Проходя, часто никѣмъ не замѣченные, по степямъ нынѣшней Южной Россіи, татары ужасной и внезапной грозой обрушивались на окраины Москвы и Польши. Они жгли села, грабили скотъ и имущество, захватывали въ плѣнъ жителей, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей, и обремененные добычею, возвращались домой [2]). „Татары не признаютъ иного занятія кромѣ войны, т. е. внезапныхъ набѣговъ, сопровождаемыхъ убійствами и грабежами"—пишетъ современникъ—Блезъ де Виженеръ [3]).

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Лашковъ. „Крымскія шертныя грамоты XVI—XVII вв., хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д."—„Труды 8-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1890", т. II, М. 1895, стр. 196.

[2]) Ѳ. Хартахай. „Историческая судьба крымскихъ татаръ"—„Вѣстн. Европы", 1866, Іюнь, стр. 202.

[3]) Блезъ де Виженеръ. „Описаніе польскаго королевства и сосѣднихъ съ нимъ странъ" (Blaise de Vigénère. La description dy Royaume de Pologne et pays adjacens)...—„Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси", вып. I, Кіевъ, 1890, стр. 80.

Разбойничья добыча, являвшаяся результатомъ этихъ набѣговъ, и была главнымъ средствомъ къ существованію у крымскихъ татаръ. Дѣйствительно, торговля рабами изъ московскихъ и литовскихъ областей приносила татарамъ огромный доходъ и содержала весь Крымъ.

Михаилъ Литвинъ передаетъ, что рабовъ у крымцевъ гораздо больше, чѣмъ стадъ, и что торговля невольниками, продаваемыми часто по очень высокой расцѣнкѣ, сильно развита въ Крыму. „Всѣ ихъ гавани, пишетъ названный современникъ, славятся этимъ товаромъ, который у нихъ всегда находится и для себя, и для продажи, и для залога, и для подарковъ“... Въ обмѣнъ на рабовъ татары получали изъ Азіи оружіе, одежды, лошадей и т. п. [1]).

Воевода Претвичъ въ своихъ запискахъ также указываетъ, что татарскія нападенія стали хроническимъ явленіемъ потому, что были источникомъ пропитанія для населенія, источникомъ прибыли для мѣстныхъ капиталистовъ, источникомъ доходовъ для администраціи и правительства [2]).

Гильомъ Бопланъ въ „Описаніи Украины“ говоритъ о крымцахъ: „народъ этотъ живетъ грабежемъ“ [3]).

В. Д. Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи о крымскомъ ханствѣ признаетъ, что „источникомъ обогащенія крымцевъ были прежде всего, конечно, грабительскіе набѣги на сосѣднія страны гяуровъ [4])“.

Авторъ другого изслѣдованія о крымцахъ—г. Ѳ. Хартахай видитъ прямую связь между набѣгами и благосостояніемъ Крыма [5])....

---

[1]) Михаилъ Литвинъ. „О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ“ (Michalonis Lituani. „De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum...“)—„Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси“, вып. I, Кіевъ, 1890, стр. 18—19.

[2]) М. Грушевскій. „Исторія украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ государствомъ“. Томъ I. Кіевъ, 1913, стр. 81.

[3]) Бопланъ. „Описаніе Украины“—„Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси“, вып. II, Кіевъ, 1896, стр. 325.

[4]) В. Д. Смирновъ. „Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка“, Спб., 1887, стр. 536.

[5]) „Съ расширеніемъ русскаго царства на югъ, поле для набѣговъ и грабежей крымскихъ татаръ постепенно уменьшалось: набѣги стали гораздо рѣже удачны, чѣмъ прежде. Съ уменьшеніемъ набѣговъ уменьшилась и добыча, съ уменьшеніемъ добычи уменьшились и средства съ

Тревожимые постоянными набѣгами татаръ, ихъ сосѣди—Московское государство и Польша еще съ XVI вѣка стали принимать мѣры для охраны своихъ границъ отъ степныхъ хищниковъ. Оба государства строили города и иныя укрѣпленія и держали на южныхъ окраинахъ сильное войско. Однако ни укрѣпленія, ни войска не могли защитить отъ крымцевъ, избѣгавшихъ осады крѣпостей, рѣшительныхъ сраженій и лишь нежданно, „воровствомъ“ нападавшихъ на сосѣдей.

Не сдерживали татаръ и частыя жалобы русскихъ и польскихъ посланниковъ въ Константинополѣ на крымскихъ хановъ, допускавшихъ набѣги, а иногда и организовывавшихъ ихъ. Изрѣдка, по настоянію пословъ и подъ вліяніемъ щедрыхъ подарковъ, турецкій султанъ смѣщалъ хана, однако новый „повелитель крымскаго юрта“, даже если бы искренно пожелалъ, не имѣлъ возможности удержать татаръ отъ набѣговъ: во-первыхъ онъ былъ сильно ограниченъ могущественной крымской аристократіей [1]), а, во-вторыхъ, какъ уже сказано, грабежи были необходимы для благополучія крымцевъ.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для охраны границъ отъ набѣговъ должны были, казалось, явиться регулярныя посылки „поминковъ“, „жалованья“ и т. п. падкимъ къ деньгамъ и постоянно нуждавшимся въ нихъ ханамъ, ихъ семействамъ и многочисленнымъ приближеннымъ. Такая система „задариванья“ существовала изстари [2]), но не приносила желанныхъ результатовъ. Ханы охотно принимали деньги и вещи, постоянно требовали увеличенія количества подарковъ, давали шертныя грамоты [3]) и попрежнему жгли и грабили окраины своихъ сосѣдей.

существованію, а потому татары волею и неволею должны были заняться тѣмъ, что помимо набѣговъ даетъ средства къ существованію“. Ѳ. Хартахай. „Историческая судьба крымскихъ татаръ“—„Вѣстн. Европы“, 1866, Іюнь, стр. 206.

[1]) Ѳ. Ѳ. Лашковъ. op. cit., стр. 193.—Ѳ. Хартахай, op. cit., „Вѣстн. Европы“, 1866, Іюнь, стр. 227—228.

[2]) С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Третье изданіе т-ва „Обществ. Польза“, Спб., книга I, стр. 1593.—В. Д. Смирновъ. „Крымское ханство...“, стр. 427.

[3]) „Грамоты эти называются шертными отъ арабскаго слова „шэртъ“, означающаго „условіе“, „договоръ“, и съ этой точки зрѣнія ихъ можно назвать вообще договорными. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ онѣ должны быть названы „клятвенными“. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. op. cit., стр. 192.

Подьячій Григорій Котошихинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи пишетъ: „Хъ крымскому хану, и къ его царице, и къ царевичамъ, и къ ихъ женамъ, и къ дѣтемъ ихъ, и къ пашамъ, и хъ князямъ, и къ мурзамъ, и къ ближнимъ людемъ, посылаютъ съ посланники шубы собольи, куньи, бѣльи, покрыты золотомъ, да шубы жъ лисьи, песцовые, заечьи, покрыты камкою цветною, однарядки суконные, каѳтаны камчатые, шапки, сапоги, соболи, куницы, лисицы, ежегодь, а что годъ передъ годомъ съ прибавкою... А посылаютъ къ нимъ тѣ поминки для того, чтобъ они на украинные городы войною не ходили и городовъ и мѣстъ не разорялі; однако они такие дары беручи, на то не смотрятъ, чинятъ, что хотятъ“ [1]). Такая характеристика московско-крымскихъ отношеній, сдѣланная Г. Котошихинымъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка вполнѣ совпадаетъ съ болѣе раннимъ (1634 г.) сообщеніемъ доминиканца д'Асколи [2]), хорошо знакомаго съ Крымомъ и съ отношеніями его къ сосѣдямъ.

Къ нарушенію клятвенныхъ обѣщаній часто также побуждали крымцевъ то польскіе, то московскіе послы, дававшіе крупныя суммы денегъ за нарушеніе въ нужный моментъ шерти, данной ханомъ противнику и за набѣгъ на его владѣнія. Ханы учитывали свое положеніе при постоянной обостренности польско-московскихъ отношеній, и за деньги охотно служили орудіемъ, правда обоюдоострымъ, то Польши, то Москвы.

Въ этомъ—одна изъ главныхъ причинъ того, что „разбойничье гнѣздо“ крымцевъ такъ долго сохраняло свою самостоятельность и свое значеніе.

Въ 1633 году истекалъ срокъ Деулинскаго перемирія и Московское государство дѣятельно готовилось къ войнѣ, помня потерю Смоленска и другихъ городовъ, захваченныхъ поляками во время „разрухи“, а также считая необходимымъ добиться отъ королевича Владислава отказа отъ правъ на московскій престолъ. Готовили воинскіе запасы, обучали русскихъ людей иноземному строю, нанимали за границей

---

[1]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Изданіе четвертое. Спб., 1906, стр. 59.

[2]) „Описаніе Чернаго моря и Татаріи, составилъ .. доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи“—„Записки Императ. Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. XXIV. Одесса, 1902, стр. 115.

въ Даніи, Англіи, Голландіи охочихъ иноземцевъ на государеву службу и стягивали ратныхъ людей со всѣхъ концовъ государства къ литовскому рубежу [1]).

Подготовка Москвы къ войнѣ не была еще вполнѣ закончена, какъ умеръ король Сигизмундъ III. Московское правительство рѣшило воспользоваться наступившимъ въ Польшѣ междуцарствіемъ и въ апрѣлѣ 1632 года состоялось назначеніе начальниками московскихъ войскъ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и Б. М. Лыкова. Ихъ мѣстническіе споры задержали, однако, начало войны и только „лѣта 7140-го, августа въ 9-й день“ царь Михаилъ Ѳедоровичъ и отецъ его патріархъ Филаретъ Никитичъ указали „послати за неправды Полского и Литовского короля и полскихъ и литовскихъ людей бояръ своихъ и воеводъ со многими ратными людми, чтобъ неправды Полскому и Литовскому королю отомстить и городы бъ, которые отданы къ Польшѣ и Литвѣ за саблею поворотить попрежнему къ Московскому государству“ [2]). Одновременно съ этимъ, начальниками главной рати, вмѣсто кн. Д. М. Черкасскаго и Б. М. Лыкова, были назначены бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ. Ихъ рать двинулась за литовскій рубежъ и первоначально дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ: московскія войска частью принудили къ сдачѣ, частью „взяли взятіемъ“ города Серпейскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль, Невлю, Сѣбежъ, Красный городъ, Почепъ, Трубчевскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій и др. Затѣмъ Шеинъ со своей 32.000 арміей двинулся къ Смоленску и осадилъ его. Такъ началась знаменитая Смоленская война.

Польское правительство предвидѣло войну и хотя надѣялось предотвратить ее мирными переговорами при посредничествѣ англійскаго и французскаго королей, однако еще при королѣ Сигизмундѣ, на сеймѣ, открытомъ 11 марта 1632 года, приняло рѣшеніе „всю почти тяжесть войны съ Москвою... взвалить на запорожское войско“. Для этого

---

[1]) С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи“..., кн. II, стр. 1189, 1197, 1198 О составѣ арміи, организованной для войны съ Польшей см. разрядную смѣту 1632 г.—„Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ“, т. II, Спб., 1855.

[2]) „Книги разрядныя“, II, стр. 394.

рѣшили поднять противъ Москвы казаковъ, какъ то не разъ дѣлалось при прежнихъ короляхъ и, такимъ образомъ, раздѣлить силы Москвы [1]). Это было приведено въ исполненіе и лѣтомъ 1633 года, когда на польскомъ престолѣ былъ уже Владиславъ и московскія войска осаждали Смоленскъ, поляки выслали противъ Москвы черкасъ (малороссійскихъ казаковъ), которые опустошили Сѣверскую область. Нападенія черкасъ не всегда бывали удачны, но все же городъ Валуйки имъ удалось взять и разграбить, вслѣдствіе оплошности воеводы Колтовского [2]).

Помимо казаковъ, поляки рѣшили воспользоваться и услугами крымцевъ. На крымскомъ престолѣ въ это время сидѣлъ ханъ Джанбекъ-Гирей II. Это было его второе правленіе, такъ какъ въ 1610—1623 годахъ онъ уже былъ ханомъ, затѣмъ былъ смѣщенъ султаномъ и сосланъ на островъ Родосъ, а въ 1627 году снова возвратился на крымскій престолъ [3]).

Начало перваго правленія Джанбекъ-Гирея совпало съ періодомъ „разрухи“ въ Московскомъ государствѣ, когда всѣ были поглощены внутренними неурядицами и о международныхъ отношеніяхъ мало заботились. Вотъ почему только въ 1614 году возобновились сношенія съ Крымомъ, прерванныя въ 1606 году. Въ началѣ 1614 года были посланы

---

[1]) П. Жуковичъ. „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго духовенства съ церковной уніей (съ 1609 г.)“. Шестой выпускъ (1629—1632 г.г.). Спб. 1912, стр. 158, 162.

[2]) Д. И. Иловайскій. „Исторія Россіи“. Томъ IV, вып. II. Эпоха Михаила Ѳеодоровича Романова. М. 1899, стр. 73.

[3]) Н. П. Василенко въ статьѣ „Ханство Крымское“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (томъ XXXVII, полутомъ 73. Спб. 1903, стр. 47) допускаетъ нѣкоторую неточность въ указаніи лѣтъ царствованія Джанбекъ-Гирея. Онъ указываетъ, что Джанбекъ-Гирей II царствовалъ съ 1610—1623 и 1627—1629 г.г. Между тѣмъ въ „Крымскихъ дѣлахъ“ Московск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ имя Джанбекъ-Гирея, какъ хана, встрѣчается до 1635 года. Поэтому мы считаемъ болѣе правильной датировку В. Д. Смирнова, относящаго годы правленія Джанбекъ-Гирея къ 1610—1623 и 1627—1635 г.г. („Крымское ханство“, стр. 496). Вслѣдствіе ошибочной датировки правленія Джанбекъ-Гирея, Н. П. Василенко допустилъ неточность и отмѣчая годы царствованія его преемника Инайетъ-Гирея, который указанъ сидѣвшимъ на престолѣ съ 1629—1637 г., тогда какъ правильнѣе принять даты В. Д. Смирнова 1635—1637 г.г. („Крымское ханство“, стр. 508).

въ Крымъ Амвросій Лодыженскій и подьячій Петръ Даниловъ съ извѣщеніемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Въ іюлѣ того же 1614 года было снаряжено въ Крымъ новое посольство, во главѣ котораго стали князь Григорій Волконскій и дьякъ Петръ Евдокимовъ. Ихъ цѣль была получить отъ Джанбекъ-Гирея шертную грамоту съ обязательствомъ быть въ мирѣ съ Москвоії и убѣдить хана итти войной на польскаго короля. Въ этомъ ханъ и „учинилъ договоръ“ съ Москвой.

Посольствами 1614 года возобновились сношенія Москвы съ Крымомъ послѣ Смуты.

Сношенія эти постоянно поддерживались и носили обычный характеръ торга, взаимнаго недовѣрія и частыхъ нарушеній ханомъ своихъ обѣщаній, когда это было ему выгодно. Этотъ характеръ сношеній въ общемъ оставался однимъ и тѣмъ же какъ во время перваго правленія Джанбекъ-Гирея, такъ и во время смѣны его Мухаммедъ-Гиреемъ III (1623—1627) и послѣ возвращенія Джанбека въ Крымъ.

Начиная въ 1632 году войну съ Польшей, московское правительство было убѣждено, что Джанбекъ-Гирей воспользуется войной у Смоленска, ослабившей югъ государства и нападетъ на московскія окраины. Вслѣдствіе этого царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ началѣ 1633 года отправилъ къ турецкому султану Мурату IV посольство Я. А. Дашкова и дьяка М. Сомова, одной изъ главныхъ цѣлей котораго, было требованіе, чтобы „великій государь... ему (хану) заказ учинілі крѣпкой, чтоб он крымской Джанбек-Гирѣі царь вперед на государя нашего украины воїною самъ не ходил и никово не посылал і лиха никоторого государя нашего людем не чинил [1])“.

Не будучи, однако, твердо увѣрено въ послушаніи хана приказанію султана, московское правительство, вспоминая „многие неправды“ Джанбекъ-Гирея, настаивало на вторичномъ удаленіи его съ крымскаго престола и замѣнѣ его другимъ. „Учинит бы ему (Джанбекъ-Гирею) за такие ево многие неправды і за ево перед вами великим государем

---

[1]) Е. Д. Сташевскій. „Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳедоровича“, ч. I, Кіевъ, 1913. Прилож., стр. XLV.

непослушанье, по своему государьскому разсмотрѣнью велѣти б ево Джанбек-Гірѣя царя с Крыму переменит вскоре, а на ево б мѣсто учиниті іново царя, который бы вам великому государю был прям і вѣрен і в вашем бы государьском повелѣне был крѣпок і послушен, а с великим бы государем нашим, с его царьским величеством, был в дружбе и украинных бы городов Московскаго государства не воевал і лиха б никоторого не дѣлалъ“ [1]).

Такъ писали изъ Москвы султану.

Въ тайномъ наказѣ посламъ Дашкову и Сомову мы находимъ любопытное признаніе : надѣясь на „дружбу и любов и на совѣтную сылку“ султана, царь Михаилъ „никово на крымскую розмѣну с казною не послал, а послал к нему (хану) малых лехких поминков толко на сто рублев“ [2]). Сдѣлано это было, вѣроятно, ради экономіи, ввиду громадныхъ затратъ на военныя нужды, а также вслѣдствіе надежды на смѣщеніе султаномъ Джанбекъ-Гирея...

Посольство Дашкова и Сомова не дало желательныхъ для Москвы результатовъ и Джанбекъ-Гирей удержался на крымскомъ престолѣ. Осуществилось вслѣдъ за этимъ и высказанное въ тайномъ наказѣ посламъ предположеніе, что въ случаѣ сохраненія престола за Джанбекъ-Гиреемъ, онъ нападетъ на Московское государство. Дѣйствительно, ханъ, подъ вліяніемъ личнаго раздраженія противъ Москвы, добивавшейся его смѣщенія, подъ вліяніемъ неполученія обычныхъ подарковъ и, наконецъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Владислава, обѣщавшаго ему за помощь противъ Москвы учетверенные „поминки“ [3]), отправилъ нурэддина [4]) Мубарекъ-Гирея съ большимъ войскомъ на московскія окраины.

Вторженіе лѣтомъ 1633 года Мубарекъ-Гирея застало Московское государство съ ослабленной южной границей, такъ какъ значительные отряды украинныхъ дворянъ и дѣ-

---

[1]) ibid., стр. XLVI.

[2]) ibid,, стр. XLVI.

[3]) Фактъ подкупа хана Польшей ,въ этомъ случаѣ достаточно извѣстенъ. О немъ упоминалъ, напримѣръ, царь Мвхаилъ Ѳеодоровичъ на земскомъ соборѣ 142 г.—„Книги разрядныя“, II, стр. 616. См. также С. М, Соловьевъ. „Исторія Россіи“, кн. II, стр. 1200.—Б. Кубаловъ. „Къ исторіи московско-крымскихъ отношеній конца XVII вѣка“. Одесса, 1911, стр. 6.

[4]) Нур-эд-динъ—званіе, которое давалось одному изъ сыновей хана. О немъ см. В. Д. Смирновъ ,,Крымское ханство“, стр. 439 и др.

тей боярскихъ находились подъ Смоленскомъ [1]), и крымцы, безпрепятственно двигались обычнымъ путемъ на Тулу, Каширу и Коломну. Вѣсть о татарскомъ нашествіи сильно встревожила московское правительство и оно даже стало готовиться къ оборонѣ столицы. 21 іюня 141 года „по государеву указу и по боярскому приговору по крымскимъ вѣстемъ были бояре и воеводы, а съ ними люди за Москвою-рѣкою по Серпуховской и по Коломенской дорогѣ“. Одновременно съ этимъ готовились и къ осадѣ Москвы татарами [2]).

Царевичъ, однако, не дошелъ до столицы: онъ опустошилъ Тульскія мѣста, прошелъ къ Серпухову, подъ которымъ произошло сраженіе, затѣмъ повернулъ къ Каширѣ, къ Веневу, гдѣ „приступалъ къ городу“ и, наконецъ, подошелъ къ Дѣдилову.

Здѣсь, въ началѣ августа 141 года, Мубарекъ-Гирей вступилъ въ переговоры съ воеводами передового полка, стоявшаго въ Дѣдиловѣ, княземъ Дан. Григор. Гагаринымъ и Тимоѳ. Сидор. Желябужскимъ. По указу царя Михаила Ѳедоровича послы крымскаго царевича—Джумашъ-мурза съ товарищами — были отправлены въ Москву, гдѣ думному дьяку Посольскаго приказа Ивану Кирил. Грязеву и его товарищу—дьяку Матюшкину было поручено взять грамоты у пословъ и разспросить ихъ, какія причины побудили Джанбекъ-Гирея нарушить шерть и напасть на государевы украинные города [3]).

Послы, послѣ недолгихъ препирательствъ, отдали дьякамъ грамоты царевича и говорили, что „недружба и ссора“ учинились вслѣдствіе неприсылки царемъ Михаиломъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ пословъ „съ казною“ на размѣнное мѣсто (Валуйки) и задержанія въ Москвѣ крымскихъ посланниковъ. Помимо этого, причинами ссоры было то, что царь Михаилъ, отправляя въ Крымъ „поминки“, „и царю,

---

[1]) Разрядныя книги („Книги разрядныя“, II, стр. 385—386, 389—390 и др.) отмѣчаютъ число дворянъ и дѣтей боярскихъ по городамъ, изъ которыхъ они были взяты.

[2]) „Книги разрядныя“, II, стр. 515—528.

[3]) Данныя о посольствѣ Джумашъ-мурзы съ товарищами, такъ же какъ и о набѣгѣ Мубарекъ-Гирея, находимъ въ „Крымскихъ дѣлахъ“ Московск. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, 1633 г. № 10.

и калгѣ [1]), и нурадыну и многимъ ближнимъ людемъ въ посылкѣ учинили многую убавку", что, вопреки обычаю, „нынѣ де царское величество учалъ съ турскимъ Муратъ-салтаномъ ссылку держать" и что донскихъ казаковъ, грабящихъ каждое лѣто крымцевъ, „государь унять не велитъ". Послы доказывали, что „ссора учинилась царскаго величества со стороны", но что все же Джанбекъ-Гирей, „памятуя прежнюю дружбу и шерть", хочетъ возстановить миръ. Предлагая „дружбу и любовь", крымцы требовали за это, чтобы царь Михаилъ прислалъ хану „казну" за два года сполна, „а кому чего напередъ сего не дослано, а тобъ велѣлъ государь дополнить", крымскихъ пословъ и гонцовъ отпустилъ бы изъ Москвы и новыхъ своихъ посланниковъ отправилъ бы въ Крымъ на смѣну прежнимъ.

Въ случаѣ согласія царя на эти предложенія, Мубарекъ-Гирей обязывался итти на „государевыхъ недруговъ" и стоять „гдѣ царское величество велитъ". Отклоненіе же предложеній, по словамъ пословъ, повело бы къ тому, что нурэддинъ остался бы въ Московскомъ государствѣ „доснѣговъ", призвалъ бы къ себѣ татаръ изъ Казыева улуса и черкасъ „всѣхъ запорожскихъ городовъ" и учинилъ бы Москвѣ „многое дурно".

Дѣлая эти угрозы, послы вмѣстѣ съ тѣмъ старались всячески подчеркнуть якобы доброжелательное отношеніе Крыма къ Москвѣ. Они, напримѣръ, говорили, что Джанбекъ-Гирей, отправляя царевича противъ Москвы, приказывалъ ему итти медленно и ожидать пословъ отъ царя Михаила. Царевичъ такъ, по словамъ пословъ, и дѣлалъ: двигаясь на Москву, „ждалъ долгое время" въ разныхъ мѣстахъ царскихъ пословъ и лишь не дождавшись ихъ, вступилъ въ московскіе предѣлы. Далѣе, въ грамотѣ, переданной послами царевича, отмѣчалось, что расположеніе крымцевъ къ Москвѣ пересилило соблазнъ заработать отъ короля Владислава. „Недругъ вашъ, говорилось въ грамотѣ, литовскій король прислалъ съ великимъ прощеніемъ и съ челобитьемъ сколько емлете съ Москвы денегъ и я де вамъ даю противъ того втрое и вчетверо и болши, а мы нынѣ... по-

---

[1]) Калга—званіе наслѣдника ханскаго престола. В. Д. Смирновъ. „Крымское ханство"... стр. 350.

слали къ вамъ посла нашего Джумаша-Мурзу". Эта фраза грамоты явилась отголоскомъ предшествовавшихъ набѣгу польско-крымскихъ переговоровъ, при чемъ подчеркиваемое крымцами безкорыстіе, представляется несоотвѣтствовавшимъ истинѣ. Вѣроятно, говоря о доброжелательности и безкорыстіи хана и объ обѣщаніи нурэддина сдѣлать набѣгъ на Польшу, крымцы надѣялись получить вознагражденіе и отъ московскаго царя, подобно тому, какъ получили они за набѣгъ на Москву отъ польскаго короля.

Думные дьяки, отвѣчая крымскимъ посламъ, указывали на набѣгъ предыдущаго 140-го года и возмущались ханомъ, который въ нынѣшнемъ 141-мъ году „того злѣе учинилъ". На это послы возражали, что набѣгъ минувшаго года былъ совершенъ „безъ Джанбекъ-Гиреева вѣдома". Этому заявленію можно повѣрить, такъ какъ въ Крыму бывали случаи частныхъ набѣговъ, безъ разрѣшенія и даже вѣдома хана.

Во время дальнѣйшихъ переговоровъ дьяки говорили посламъ, что Джанбекъ-Гирей „дважды шерть учинилъ на куранѣ"—передъ Волконскимъ и Евдокимовымъ (въ 1615 году)[1]) и передъ Кологривовымъ и Дуровымъ (въ 1630 году)[2]) и что теперь ханъ нарушилъ свои клятвы.

Дьяки напоминали посламъ сущность этихъ клятвъ: „было быти государю вашему Джанбекъ-Гирею царю съ великимъ государемъ нашимъ... въ крѣпкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно, другу его царскаго величества другомъ, а не другу недругомъ, и на его царского величества украины ему не ходити и царевичей, и князей, и мурзъ, и воинскихъ людей не посылати и тѣсноты... его царского величества городомъ и мѣстомъ не чинити, а хто придетъ царскаго величества на украинные города войною и повоюетъ... и тѣхъ было людей ему казнить, а взятое было отдавать безъ окупу, а царскому величеству потому же на своемъ словѣ стоять и поминки и запросъ къ царю и къ калгѣ и

---

[1]) Шертная грамота 1615 года, въ современномъ ей переводѣ, напечатана Θ. Θ. Лашковымъ („Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI—XVII вв., хранящіеся въ Московск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ")—въ „Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи", № 10, стр. 12—15.

[2]) Напечатана, хотя и не полностью, ibid., стр. 23—24.

къ нурадыну, а къ ближнимъ людямъ свое государево жалованье присылать ежегодъ безпереводно".

Затѣмъ, дьяки доказывали, что „великій государь... такъ и дѣлаетъ и въ своемъ государевомъ словѣ стоитъ крѣпко". Они указывали посламъ, что и въ прошломъ—140 году царь Михаилъ хотѣлъ послать съ подарками на размѣнъ, но въ это время пришли „на царского величества украины ихъ крымскіе, и азовскіе, и Казыева улуса многіе воинскіе люди и царскаго величества украинамъ многое разореніе и убытокъ починили, многихъ людей побили и полонъ многой поимали и были крымскіе воинскіе люди въ государевой землѣ до заморозковъ и до снѣговъ". Также и въ 141-мъ году въ отвѣтъ на ханскія грамоты были отправлены въ Крымъ легкія „поминки", но везшаго ихъ станичника А. Бинюкова возлѣ Перекопа ограбили татары. Вскорѣ послѣ этого царь, по словамъ дьяковъ, хотѣлъ отправить въ Крымъ посланниковъ съ казною, а на размѣну ближняго человѣка. Узнавъ объ этомъ, король Владиславъ прислалъ на „украинныя мѣста запорожскихъ черкассъ многихъ людей", которые взяли и выжгли городъ Валуйки—мѣсто размѣна и, „хотѣли было дождався размѣны, царского величества и государя вашего пословъ побить и казну ограбить".

Таковы были, по заявленію думныхъ дьяковъ, вполнѣ уважительныя причины неполученія ханомъ „поминковъ" въ 140 и 141 годахъ. Вслѣдствіе этого „всему поруха и казнѣ мѣшкота учинилась не съ царскаго жъ величества стороны".

Далѣе дьяки укоряли пословъ, что, въ то время какъ царь Михаилъ „передъ Джанбекъ-Гирѣемъ царемъ правъ, да и исправленъ, государь вашъ Джанбекъ-Гирѣй царь правду свою и шерть нарушилъ: въ прошломъ и въ нынѣшнемъ во 141-мъ году присылалъ на царскаго величества украинные города и мѣста своихъ воинскихъ многихъ людей и... украинные города и мѣста воевалъ и многихъ людей побилъ". При этомъ дьяки подчеркивали, что царь Михаилъ „отъ него, брата своего Джанбекъ-Гирѣя царя, такова дѣла и дружбѣ и любве и правдѣ и шерти нарушенья и разоренья не чаялъ" и потому „въ тѣхъ украинныхъ городахъ ратныхъ людей держати не велѣлъ, а послалъ исъ тѣхъ украинныхъ городовъ своихъ царскаго величества

ратныхъ людей противъ своего государскаго недруга польского короля“.

Крымскіе послы отвѣчали, что причины не полученія „поминковъ“ были имъ неизвѣстны и просили отправить къ хану „добраго человѣка, хотя бы и средней статьи, только бъ собою былъ добръ и досужъ“, который бы разъяснилъ Джанбекъ-Гирею истинныя причины неисправности Москвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ послы заявляли о своемъ и нурэддина желаніи возобновить миръ.

Дьяки высказывали сомнѣніе въ искренности мирныхъ стремленій царевича и, возражая на возбужденный ранѣе крымскими послами вопросъ о посольствѣ Дашкова и Сомова къ турецкому султану, говорили, что сношенія съ Турціей бывали и раньше, что „не въ новь то дѣло всчато, а Джанбекъ-Гирѣю царю турской Муратъ султанъ не недругъ и досадовать было за то не за что“.

Въ отвѣтъ на это крымскіе послы предлагали московскому правительству помыслить „есть ли какая прибыль“ въ сношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ. Далѣе они указывали, что „Джанбекъ-Гирѣю царю про ту ссылку отъ царскаго величества не вѣдомо и за то досадно“. Кромѣ того „чаетъ онъ“, что „та ссылка на него Джанбекъ-Гирѣя царя о лихомъ дѣлѣ“. На эти заявленія послы требовали отвѣта, дьяки возражали и „крымскіе послы о турской статьѣ больше ничего не говорили“.

Затѣмъ послы повторили свои требованія, дьяки обѣщали „что они рѣчи ихъ донесутъ до царскаго величества“ и переговоры были временно пріостановлены...

Послы не получали отвѣта до начала сентября 142 (1633) года, т. е. до того времени, когда въ Москвѣ узнали объ усилившихся, подъ вліяніемъ извѣстій о татарскомъ набѣгѣ, самовольныхъ отъѣздахъ украинныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ арміи Шеина и о томъ, что „литовскій Владиславъ король и королевичъ Казимеръ, а съ ними гетманы и польскіе и литовскіе люди и черкассы пришли подъ Смоленскъ“ и вступили въ борьбу съ ослабленной бѣглецами московской ратью. Получивъ извѣстія объ этомъ, московское правительство пошло на уступки, забыло о томъ, что въ 1631 году оно уже послало П. Соковнина и Т. Голосова въ

Крымъ, что они были тамъ задержаны и терпѣли страшныя лишенія [1]) и рѣшило отправить къ хану новое посольство съ наскоро собранными легкими поминками, чтобы обезпечить безопасность южной границы и имѣть возможность двинуть войска на подмогу Шеину.

10 сентября 142(1633) г. крымскіе послы снова были въ Посольскомъ приказѣ, гдѣ имъ сообщили, что царь Михаилъ отпускаетъ ихъ въ Крымъ и вмѣстѣ съ ними, „съ своими государевыми грамотами, дворянина своего Тимоѳея Яковлевича Ансимова да подьячаго Калистрата Акинѳіева".

Сообщая объ этомъ, дьяки требовали, чтобы ханъ весь русскій „полонъ" двухъ послѣднихъ лѣтъ возвратилъ безъ выкупа и въ томъ далъ бы шерть. Крымскіе послы отвѣчали, что ханъ все сдѣлаетъ: „и правду дастъ, и шерть учинить и за полонъ не постоитъ, что можно сыскать", лишь бы „учиниться въ крѣпкой дружбѣ и любви" съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

Затѣмъ послы дали „шерть на куранѣ", обѣщая неприкосновенность московскихъ пословъ [2]). Они обѣщали „пословъ... и всѣхъ людей, которые съ ними будутъ... отпустить, въ Крымѣ ихъ не задержать, и дурна никаково и безчестья не чинить, и никого не убивать, и не ограбити, а отпустить ихъ исъ Крыму совсѣмъ вцѣлѣ и въ дорогѣ надъ ними потому жъ никакіе хитрости не учинити". Послѣ этого крымскіе послы получили царскіе подарки.

12 сентября 7142 (1633) года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ Тимоѳею Анисимову да подьячему Калистрату Акинѳіеву ѣхать въ Крымъ „для своего государева дѣла" [3]).

Вмѣстѣ съ послами была отправлена царская грамота, въ которой предлагалась Джанбекъ-Гирею „быть въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно... и на украйны вамъ, брату нашему, и калгѣ, и нурадыну и инымъ царевичемъ самимъ воиною не ходить и воинскихъ

---

[1]) „Крымскія дѣла" М. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, 1633, № 11. См. также Б. Кубаловъ, op. cit., стр. 5—7.

[2]) Текстъ шертной грамоты пословъ напечатанъ Ѳ. Лашковымъ въ „Извѣстіяхъ Таврической Уч. Архивной Комиссіи", № 10, стр. 24—25. Въ изданіи невѣрно поставленъ годъ шерти—1631, надо 1633.

[3]) Для описанія этого посольства пользуемся „Крымскими дѣлами" М. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, 1633 г., №№ 11 и 12.

людей не посылать и лиха государству нашему никакого не хотѣть". Тамъ же предлагалось „поминки и запросъ и ближнимъ вашимъ людемъ наше жалованье имать по договору, а лишнего на посланникахъ нашихъ не спрашивать и въ томъ имъ безчестья и тѣсноты не чинить".

Далѣе грамота содержала краткій очеркъ московско-крымскихъ отношеній за все время правленія Джанбекъ-Гирея, при чемъ здѣсь, какъ и во время предварительныхъ переговоровъ въ Москвѣ съ Джумашъ-мурзой, подчеркивалась исправность царя Михаила въ исполненіи договоровъ и отмѣчались частыя нарушенія ханомъ своихъ обѣщаній, его нападенія на московскія владѣнія и притѣсненія пословъ при вымогательствахъ дополнительныхъ подарковъ. Съ большой укоризной грамота говорила о томъ, что въ послѣднее время, не получая, но вполнѣ уважительнымъ причинамъ, поминковъ отъ царя, ханъ „учинили и того злѣе, сослався съ нашимъ недругомъ съ польскимъ новымъ королемъ Владиславомъ, повѣря его, недруга нашего, присылкѣ и ссорѣ, и покуся на его многую дачю и увѣдавъ то, что наши многіе ратные люди стоятъ противъ его, недруга нашего полского короля, подъ Смоленскомъ, прислалъ... воиною сына своего нурадына Мубарекъ-Гирея царевича со многими ратными... людьми".

Затѣмъ грамота убѣждала хана не вѣрить полякамъ, „присылки ихъ не вѣрить и дачи не принимать", ибо они общіе враги Москвы и Крыма. Хотя Джанбекъ-Гирей на Московское государство и „по ихъ накупкѣ, мимо свою правду и шерть посылали воиною", тѣмъ не менѣе „отъ нихъ правды къ вамъ никакіе не будетъ же и надъ крымскимъ юртомъ учнутъ такъ жъ умышлять".

Были въ грамотѣ и отвѣты на различные вопросы, предложенные крымскими послами въ Москвѣ. Отвѣты эти сходны съ отвѣтами дьяковъ Джумашъ-мурзѣ.

Большой интересъ и большое значеніе, какъ и всегда, имѣетъ тайный наказъ, данный посламъ [1]). Въ немъ находимъ указанія посламъ относительно 1) требованія объ отпускѣ „полона", 2) о новой шерти хана передъ послами и 3) о неприсылкѣ крымскихъ пословъ въ Москву.

---

[1]) Тайный наказъ Т. Анисимову и К. Акинфіеву – въ „Крымскихъ дѣлахъ" 1633 г., № 11.

По вопросу о „полонѣ“ послы должны были требовать „отпустить весь полонъ сполна“ и заявлять, что безъ этого „договоръ чинить не велѣно“. Если ханъ не захочетъ отпустить „весь полонъ сполна“, то требовать „отпустить... исъ того полону половину“. Если и „половины полону отпустить не хочетъ, и имъ говорити, чтобъ велѣлъ отпустить треть, а по самой конечной нужѣ будетъ и на треть не уговоритца и онъ бы велѣлъ отпустить хоть четверть, будетъ четвертые доли будетъ тысячи три или четыре или хотя и двѣ тысячи“. Если Джанбекъ-Гирей не захочетъ совсѣмъ отпустить полону, то „онъ бы тотъ полонъ поволилъ окупать, а цѣну положилъ боясь Бога не большую, чтобъ мочно окупить“.

Затѣмъ посольство должно было добиться отъ хана новой шертной грамоты, скрѣпленной золотой печатью, съ обѣщаніемъ дружбы и любви, „войною на украины не ходити и воинскихъ людей не посылать“.

Далѣе, послѣ полученія шерти, послы должны были просить хана, чтобы онъ за „поминками“ и за государевымъ жалованьемъ присылалъ „на украиной городъ, гдѣ наперед сего размѣна была...; а посланникомъ бы государевымъ и ихъ посломъ и гонцомъ къ Москвѣ не ходить, чтобъ въ томъ царскаго величества казнѣ лишнихъ убытковъ не было“. Это послѣднее требованіе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ Крыма въ Москву всегда посылали очень большія по своему составу посольства (иногда до 100 человѣкъ), при чемъ московское правительство должно было содержать на свой счетъ и давать подарки всѣмъ членамъ посольствъ, что вызывало огромные расходы для казны. Въ важныхъ случаяхъ разрѣшалось присылать и посланниковъ, но только „не многихъ людей“. За принятіе этого пункта послы должны были сулить хану 1000 рублей, увеличивая въ случаѣ его упорства эту сумму до 3000 рублей, придавая постепенно по 50-ти и по 100 рублей...

Посольство Т. Анисимова и К. Акинфіева прибыло въ Яшловъ (въ 4 в. отъ Бахчисарая) 23 октября 142 г. [1]). По прибытіи на мѣсто своего назначенія, послы стали доби-

---

[1]) О пребываніи въ Крыму Т. Анисимова и К. Акинфіева см. статейный списокъ ихъ посольства—„Крымскія дѣла“ 1633 г., № 12.

ваться пріема у хана. Этого они достигли не сразу: сначала пришлось вести длительные переговоры съ ближнимъ человѣкомъ Джанбекъ-Гирея—Маметшъ-агой. Ему послы заявили требованіе отдать весь „полонъ“ и послать нурэддина, согласно обѣщанію этого послѣдняго, войною на польскаго короля. Посламъ отвѣчали, что ханъ не отдастъ русскій „полонъ“, такъ какъ это не въ его власти, къ тому же „сыскать того полону негдѣ“—онъ развезенъ и распроданъ, да и не было случая, чтобы „полонъ“ изъ Крыма возвращали. Что же касается обѣщанія царевича итти войной на Польшу, то „нурадыново слово ложно не будетъ“.

Послы возражали на отказъ возвратить „полонъ“, говоря, что онъ захваченъ безъ войны. Затѣмъ Маметшъ-ага сдѣлалъ заявленіе въ четырехъ статьяхъ, въ общемъ сходное съ заявленіемъ крымскихъ пословъ въ Москвѣ. Ближній человѣкъ хана указывалъ: 1) прежде царь посылалъ пословъ къ султану „свѣстяся съ Крымомъ“ и „послы хаживали мимо Крыма“, теперь же царь Михаилъ „учалъ дѣлать не по прежнему: посылаетъ къ турскому Муратъ салтанову величеству не свѣстяся съ крымскимъ царемъ и посылаетъ Дономъ, а не черезъ Крымъ“; 2) „донскіе казаки приходятъ на крымскіе улусы и воюютъ безпрестанно... А царское величество казаковъ зъ Дону не сведетъ“; 3) „астраханскіе татаровя воюютъ и многіе стада отгоняютъ“; и 4) царь присылаетъ хану и его приближеннымъ „поминки“ „съ убавкой“, „шубы собольи, и куньи, и однорядки уски и коротки и соболи худы“. Обративъ вниманіе пословъ на эти обстоятельства, Маметшъ-ага говорилъ: „и будетъ де царское величество учинитъ о тѣхъ статьяхъ договоръ, что къ турскому Муратъ салтанову величеству учнетъ посылать по совѣту съ крымскимъ царемъ мимо Крымъ, небольшихъ своихъ пословъ черезъ Крымъ, и донскихъ казаковъ и астраханскихъ татаръ уйметъ и поминки... учнетъ присылать передъ прежнимъ съ прибавкою, шубы собольи, и куньи, и бѣлы широки и долги, и соболи добрые, и въ томъ де будетъ межъ ихъ, великихъ государей, дружба, и любовь учнетъ множится и посланникомъ де никакова дурна и безчестья не будетъ и царь де великому государю его царскому величеству на томъ правду дастъ на куранѣ шерть учинитъ“...

Послы отвѣчали на „статьи“ ближняго человѣка: 1) сношенія съ султаномъ—дѣло не новое; 2) усмирять донскихъ казаковъ—не дѣло Москвы, такъ какъ на Дону сошлись люди изъ многихъ государствъ: „холопи боярскіе и воры,... литовскіе люди, и запорожскіе черкасы, и азовцы, и казыевцы, и ваши крымскіе татаровя“. За нихъ, говорили послы, „великій государь... не стоитъ, хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили“. Впрочемъ, вспоминая, вѣроятно, заслуги каковъ передъ Москвой они добавляли, что донцы въ настоящее время Крыму „никакого зла не чинятъ“; 3) астраханскіе казаки также крымскому юрту „никакова зла не чинятъ“; 4) относительно отправленія „поминковъ“ послы указывали, что царь Михаилъ до нынѣшней ссоры посылалъ „поминки“ „безпереводно по договору“ и даже съ прибавками.

Ведя переговоры съ Мамстшъ-агой, московскіе послы стремились добиться аудіэнціи у Джанбекъ-Гирея. Въ этомъ имъ сначала отказывали, ссылаясь на нежеланіе царя Михаила принять пословъ нурэддина. Послы возражали, говоря, что крымскіе послы всегда видѣли „государевы очи“, что они не были приняты, какъ прибывшіе „изъ войны“, но что послѣ возстановленія дружескихъ отношеній все будетъ по прежнему. Объясненія пословъ, а также сдѣланные ими подарки, удовлетворили и хана и его ближняго человѣка— 30 октября 142 года послы получили извѣщеніе о согласіи хана принять ихъ.

Аудіэнція состоялась 1-го ноября, но не внесла ничего новаго въ переговоры.

3-го ноября нурэддинъ сообщилъ посламъ, что вслѣдствіе задержанія его пословъ въ Москвѣ, онъ рѣшилъ, что ихъ казнили, какъ прибывшихъ „изъ войны“ и потому, возвращаясь въ Крымъ, распродалъ весь „полонъ“, такъ что теперь „тово полону никакими мѣрами сыскать негдѣ“. Однако, чтобы загладить свою ошибку, онъ готовъ итти войной на польского короля.

Послы, примирившись съ невозможностью вернуть на родину весь „полонъ“, требовали отъ царевича, чтобы онъ отпустилъ хотя бы тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ они еще застали въ Крыму.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, нурэддинъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ вернуть плѣнныхъ, такъ

какъ ихъ „розвезли всякъ по себѣ, хто, что взялъ, потому что де съ нимъ были не одни крымскіе люди“, полонъ теперь весь распроданъ, „да и того не бывало, чтобъ полонъ отдать назадъ“. Точно также не добились послы положительныхъ результатовъ по вопросу о плѣнныхъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ, уже съ ханомъ...

Между тѣмъ продолжались переговоры съ ближними людьми хана, продолжалось и одариванье ихъ, чтобы они Джанбекъ-Гирея „на доброе дѣло наводили“. Во время переговоровъ, временами сильно напоминавшихъ торгъ, обѣ стороны проявили большое упорство при защитѣ своихъ интересовъ. Московскимъ посламъ приходилось даже „учинять смышлятца ѣхать, лошади и запасы готовить“...

Наконецъ 20-го декабря 142 (1633) года Т. Анисимовъ и К. Акинѳіевъ были вторично приняты Джанбекъ-Гиреемъ. Послы произнесли рѣчь о цѣляхъ своего посольства, отвѣтили на четыре статьи, сообщенныхъ имъ ближнимъ человѣкомъ, а затѣмъ „Тимофей и Калистратъ царя къ шерти приводили“.

Шертная грамота [1]), которую далъ ханъ за себя, „за калгу, и за нурадына, и за карачѣевъ, и за князей, и за мурзъ, и за аги, и за улусные люди Дивѣева родства и за весь Крымъ“, содержала рядъ обязательствъ какъ обычныхъ, встрѣчающихся въ болѣе раннихъ грамотахъ, такъ и новыхъ, явившихся слѣдствіемъ послѣднихъ длительныхъ переговоровъ.

Въ шертной грамотѣ, данной въ 1633 году, Джанбекъ-Гирей обѣщалъ съ царемъ Михаиломъ „быти попрежнему въ братственной, въ крѣпкой въ дружбѣ и въ любви“. Изъ этого вытекало взаимное обязательство: „хто намъ Джанбекъ-Гирееву цареву величеству другъ, тотъ и брату нашему великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу... другъ, а хто намъ Джанбекъ-Гирею царю недругъ, тотъ и брату моему недругъ. А хто брату моему... царю... Михаилу Ѳедоровичу... другъ, тотъ и мнѣ... другъ, а хто брату моему великому государю недругъ, тотъ и намъ,

[1]) Шертная грамота 1633 года, въ современномъ ей переводѣ съ татарскаго, издана Ѳ. Ѳ. Лашковымъ въ „Извѣстіяхъ Таврической Уч. Арх. Комиссіи“, № 10, Симферополь, 1890, стр. 25—29. Мы пользовались грамотой, какъ въ напечатанномъ видѣ, такъ и въ рукописи—„Крымскія дѣла“ М. Гл. Архива М. Ин. Дѣлъ, 1633 г., № 12.

Джанбекъ-Гирею царю, недругъ“ и т. д. Затѣмъ слѣдовало обѣщаніе на Московское государство „воїною не ходити и городовъ вашихъ и земель не воевати, а будетъ которые наши ратные люди, хто ни есть безъ нашего вѣдома вашихъ, брата нашего, людей повоюетъ, и, повоевавъ, къ намъ приведутъ и намъ на тѣхъ людей своихъ класти опалу, а приведеной полонъ и животы всѣ отсылати назадъ безъ окупу“. Тоже взаимно обязывался дѣлать и царь Михаилъ. Далѣе ханъ обѣщалъ пословъ, гонцовъ и торговыхъ людей, посланныхъ изъ Москвы или въ Москву не задерживать, „убытковъ... не чинить“ и „отпускать здорова и совсѣмъ вцѣлѣ“. Джанбекъ-Гирей обѣщалъ также „на общаго нашего недруга на польского Владислава короля послати войной сына своего Мубарекъ-Гирея царевича или мурзъ съ воинскими людми, какъ Всемогущій Богъ помощь подаетъ, такъ велимъ ево воевать, и разорять“. За исполненіе этихъ обѣщаній хана, царь Михаилъ долженъ былъ посылать ему, калгѣ, нурэддину и царицамъ „поминки свои, а къ ближнимъ... людемъ жалованье, не умаля ни въ чемъ“. Эти „поминки“ должны были присылаться по особой, составленной ханомъ, росписи, „чтобъ о томъ впередъ лишнево слова, и шуму, и брани не было,... и чтобъ брата нашего великого государя посломъ про то впередъ дурна и бесчестья никаково не было“. Ханъ же обѣщалъ: „сверхъ той росписи на нихъ (послахъ) ничего спрашивать не учнемъ“.

Таковы были условія договора, заключеннаго Тимофеемъ Анисимовымъ и Калистратомъ Акинфіевымъ съ Джанбекъ-Гиреемъ. Московскимъ посламъ не удалось добиться отъ хана ни возврата „полону“ (вслѣдствіе невыполнимости этого), ни обѣщанія не присылать пословъ въ Москву, но все же самая шертная грамота возстановлявшая миръ съ съ Крымомъ и содержавшая обѣщаніе помощи противъ Владислава, имѣла въ тяжелые дни Смоленской войны, свое значеніе. Огромную важность представляло обязательство хана получать „поминки“ по росписи, ничего не требуя сверхъ нея. До этого же времени размѣры „поминковъ“ не были точно опредѣлены, что, какъ извѣстно, вызывало постоянныя недоразумѣнія между крымцами и московскими послами. Джанбекъ-Гиреева роспись, составленная въ затруднительный для Московскаго государства моментъ, когда оно всѣми

средствами готово было обезпечить миръ своей южной окраинѣ, была достаточно обременительна для Москвы, но все же она вносила извѣстный порядокъ въ московско-крымскія отношенія.

По этой росписи [1]) Московское государство обязывалось ежегодно присылать хану и его приближеннымъ подарковъ соболями, куньими, лисьими и бѣльими мѣхами, платьемъ, сукнами, рыбьимъ зубомъ на сумму безъ малого 6 тыс. рублей и наличными 4 тыс. рублей, всего же безъ малого на 10 тыс. рублей, при чемъ львиную долю московскихъ подарковъ получалъ самъ ханъ. Разницу между обычнымъ дотолѣ платежомъ и росписью можно видѣть хотя бы на примѣрѣ хана. Онъ долженъ былъ по росписи получать „рухлядью на 935 руб., 4000 руб. денегъ“, помимо подарковъ „по прежнему ево запросу, какъ къ нему посылано напередъ сего... на 465 рублей“. Такимъ образомъ прибавка хану выразилась въ размѣрѣ 935 руб. рухлядью и 4000 руб. наличными.

Послѣ полученія шертной грамоты и списка съ росписи (подлинникъ ханъ оставилъ у себя), московскіе послы Т. Анисимовъ и К. Акинфіевъ, вмѣстѣ со своими предшественниками—П. Соковнинымъ и Т. Голосовымъ, два года томившимися въ Крыму, 4-го января 7142 (1634) года выѣхали изъ Крыма и 6-го февраля возвратились въ Москву.

В. Базилевичъ.

---

[1]) Переводъ росписи, напечатанъ Ѳ. Лашковымъ въ „Извѣстіяхъ Таврической Уч. Архивной Ком.“ № 10, стр. 29—41. См. также „Крымскія дѣла“, 1633 г., № 11.